

ПРОБЛЕМА «(ДЕ)ГЕРМЕТИЗАЦИИ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО МЕНЬШИНСТВА

Ю. Розенвалдс

Исторический экскурс

История русскоязычных общин Латвии и Эстонии восходит еще к XI–XII вв., когда здесь появились первые русские торговцы и обозначилось военное присутствие древнерусских княжеств; однако вплоть до XVIII в., когда Латвия и Эстония были включены в состав Российской империи, восточнославянское население этих стран оставалось крайне малочисленным и в основном состояло из старообрядцев, поселившихся здесь после церковной реформы 1650–1660-х гг.

По переписи 1897 г. восточные славяне составляли 12% населения Латвии и 4% жителей Эстонии. В результате присоединения к Эстонии по Тартускому миру 1920 г. территорий на восточном берегу реки Нарвы и окрестностей города Печоры удельный вес восточных славян в населении Эстонии возрос до 8,2%. В Латвии же и после достижения независимости он сохранился на уровне немногим более 12%. В довоенных Латвии и Эстонии законодательство предоставляло меньшинствам широкие права как

в области культуры и образования, так и в политической жизни. Русские как национальное меньшинство участвовали в выборах в Конституционное собрание Латвии и во всех четырех выборах в Сейм (парламент), получая при этом от 4 до 6% голосов. Это означало и соответствующее число депутатов Сейма, поскольку в довоенной Латвии не было процентного барьера на парламентских выборах. Латвия и Эстония играли значительную роль в жизни белой эмиграции.

Ситуация существенно изменилась в связи с включением этих стран в состав СССР летом 1940 г. За послевоенные годы этнический состав населения Латвии и Эстонии существенно изменился (табл. 1).

Причиной тому стали репрессии и депортации 1940–1950-х гг. вкуче с форсированной индустриализацией, которая продолжалась вплоть до конца 1980-х гг. Наряду с чисто экономическими соображениями значительное место в процессах индустриализации занимали и геополитические — стремление «улучшить»

Таблица 1

Удельный вес титульных наций и восточных славян в Латвии и Эстонии, в %

Национальность	1897	1922/ 1925	1934/ 1935	1959	1979	1989	2000	2009/ 2011
Латыши в Латвии	68	73,4	75,5	62,0	53,7	52,0	57,7	59,5
Восточные славяне в Латвии	12	12,6	12,1	30,9	40,0	42,0	36,4	33,3
Эстонцы в Эстонии	91	87,6	88,1	74,6	64,7	61,5	67,9	68,7
Восточные славяне в Эстонии	4	8,2	8,2	22,3	32,0	35,2	29,0	28,9

этнический состав населения выходцами из «старых», прежде всего славянских, республик¹. В результате активной миграции рабочей силы (табл. 2) радикально изменились количественные пропорции титульных наций и приезжего русскоязычного населения. К 1989 г. доля восточных славян по сравнению с довоенной демографической ситуацией в Латвии возросла в 3,5, в Эстонии — в 4,3 раза. В Латвии в конце 1980-х гг. русские составляли 42% населения и были большинством во всех крупных городах (в Эстонии — 35,2%). Не менее важно, что эти демографические изменения повлекли за собой и существенную трансформацию общественных настроений: значительная часть латышей и эстонцев стала ассоциировать «русское» с «советским» и возлагать на послевоенных мигрантов ответственность за пережитое в годы советской власти. Этому в значительной степени способствовало и то обстоятельство, что удельный вес восточных славян в компартиях балтийских республик во все послевоенные годы значительно превышал их удельный вес в населении Латвии, Литвы и Эстонии. Так, на начало 1980-х гг. коммунисты титульных национальностей в компартиях этих стран были представлены следующим образом: в Литве — 69%, в Латвии — 39%, в Эстонии — 52%.

Взаимное отчуждение усугублял и сформировавшийся за годы советской власти «ассиметричный билингвизм» — существенные различия в уровнях владения русским языком представителей титульных наций и языками титульных наций — приезжего русскоязычного на-

селения. Так, по результатам переписи населения 1979 г. русским языком владели 52,1% литовцев, 56,7% латышей, 24,2% эстонцев. При этом языком титульной нации владели 37,4% русских, проживающих в Литве, 20,1% — в Латвии и 13% — в Эстонии.

Следует отметить и существенные различия между Латвией и Эстонией в плане формирования русскоязычных общин, которые вплоть до настоящего времени влияют на характер и перспективы политического участия этих общин. Первое различие связано с тем, что русскоязычная община в Латвии исторически была более многочисленной, организованной и образованной. Следующее различие связано с традициями расселения. В Эстонии русскоязычное население сосредоточено в основном в северо-восточной части страны (в Нарве эстонцы составляют только 4%, в Кохтла-Ярве — 21%) и в Таллине (где восточные славяне представляют 44,5% населения). На остальной территории Эстонии русскоязычное население относительно малочисленно. Эта географическая разобщенность является фактором, объективно препятствующим интеграции крупнейших этнических общин. В Латвии же русскоязычное население распределено гораздо более равномерно: не только в больших городах, но и в сельской местности, особенно в Латгалии — восточной части Латвии, а традиции совместного проживания гораздо сильнее. Следует отметить также то, что в Латвии традиционно распространены межнациональные браки. Это характерно и для советского периода, и для на-

Таблица 2

Приток трудовых мигрантов в Эстонию и Латвию, тыс. чел.

Годы	Эстония	Латвия	Литва	Всего
1965–1969	45	71	29	145
1970–1974	40	64	40	144
1975–1979	24	46	31	101
1980–1984	31	45	59	135

ших дней. В 2008 г. около 20% латышей заключали браки с партнером из другой этнической группы. В Эстонии этот показатель примерно в два раза ниже. Наконец, не менее важны доминирующие в обществе настроения, определяющие «климат» межнациональных отношений. В этой связи следует упомянуть опубликованные в 2009 г. результаты исследования положения меньшинств в Европейском Союзе, которые свидетельствуют о том, что русские в Латвии гораздо реже, чем в Эстонии, сталкиваются с проявлениями дискриминации на основе этнической принадлежности.

Так, на вопрос «Ощущали ли Вы в течение последних 12 месяцев дискриминацию, связанную с Вашей этнической принадлежностью?» положительный ответ дали 17% русских, проживающих в Эстонии, 5% — в Латвии, 4% — в Литве, 27% — в Финляндии².

Возвращаясь к событиям 1988–1991 гг., отметим, что в новых условиях, которые возникли в Латвии и Эстонии с началом перестройки, русскоязычные общины балтийских республик разделились в отношении к процессам «национального пробуждения», которые стремительно развернулись в конце 1980-х гг. с созданием народных фронтов осенью 1988 г., противостоянием мятежных республик союзному «центру» и, наконец, восстановлением независимости Латвии и Эстонии в августе 1991 г. В общих чертах во взглядах представителей русскоязычных общин на происходившие в Латвии и Эстонии процессы демонтажа советской системы, восстановления положения языков титульных наций и постепенного движения к обретению утраченной в 1940 г. независимости можно выделить три наиболее типичные позиции.

Во-первых, часть русскоязычного населения пыталась активно противодействовать происходившим изменениям, принимая участие в работе созданных в противовес народным фронтам

«интернациональных» фронтов и движений. Значительное число занимало нейтральную позицию, полагая, очевидно, что усиление самостоятельности балтийских республик и даже восстановление их независимости принесет им социально-экономические выгоды, по сравнению с которыми возможные риски в плане языка и образования казались менее значимыми. Иными словами, в сознании большей части русских сработала «инерция нормальности» — представление, что существовавшая в СССР привилегия его русскоязычных жителей иметь возможность получения образования, удовлетворения культурных потребностей и доступа к информации на русском языке в любом уголке Советского Союза есть что-то само собой разумеющееся³. И наконец, многие — прежде всего представители русскоязычной гуманитарной интеллигенции — активно участвовали в работе народных фронтов. Процентное соотношение вышеуказанных групп не было одинаковым в различных балтийских республиках, это зависело от таких факторов, как удельный вес так называемых «старых русских» (проживавших в них еще до установления советской власти) и готовность руководства народных фронтов к диалогу с русскоязычной общиной.

Следует учитывать также, что в годы «песенной революции» в Латвии и Эстонии активно обсуждались два пути перехода к независимости. Первый можно назвать «социально-реалистическим», поскольку он стремился учесть послевоенные реалии и заручиться поддержкой всех жителей, независимо от их национальности. В Эстонии и Латвии его представляли народные фронты. Второй — «легалистский» — путь, который проповедовал так называемые «гражданские комитеты», основывался на утверждении об антиправовом характере советской власти и рассматривал послевоенных приезжих как нелегальных иммигрантов, что по определению ис-

ключало какое-либо их участие в политической жизни.

В Латвии число «старых русских» было наибольшим среди всех балтийских республик. Первое поколение руководителей Народного фронта уделяло большое внимание работе с русскоязычной частью населения, в результате чего росла поддержка идеи независимости среди латвийских русских, а «гражданские комитеты» не занимали столь радикальной позиции, как в Эстонии. Так, в 1989 г. эту идею поддерживали 55% латышей и 9% русских, а в 1991-м — 94% латышей и 38% русских. В результате к каждой из вышеуказанных групп, по оценкам экспертов, в 1991 г. принадлежала примерно треть русскоязычных жителей Латвии; активно против идеи независимости выступали 20–30%.

Именно то обстоятельство, что две трети русских относились к усилиям Народного фронта Латвии либо нейтрально, либо положительно, стало решающим фактором, позволившим стране (несмотря на то, что латыши составляли немногим более половины ее жителей) достичь независимости мирным путем, избежав каких-либо серьезных столкновений на этнической почве.

О различиях в позициях нетитульного населения балтийских республик можно косвенным образом судить по результатам состоявшегося в феврале — марте 1991 г. выяснения мнения жителей республик по вопросу о независимо-

сти, которое в Латвии и Литве называлось «избирательной консультацией», а в Эстонии — «референдумом» (он проводился в балтийских республиках как альтернатива инициированного М. Горбачевым всесоюзного референдума о сохранении Союза ССР). В Латвии и Литве в голосовании могли принимать участие все избиратели, в Эстонии — лишь граждане довоенной Эстонской Республики или их прямые потомки, а также лица, сделавшие устное заявление о поддержке независимости Эстонской Республики и получившие так называемые «зеленые карточки» от «гражданских комитетов» (около 25 тыс. человек). Как следует из таблицы 3, в Латвии оказался самый высокий уровень явки избирателей и число проголосовавших за независимость было значительно выше, чем удельный вес латышей в населении республики. Для сравнения: в Литве удельный вес проголосовавших за независимость оказался ниже, чем количество литовцев, проживающих в республике.

К сожалению, многие обещания, данные в годы «песенной революции» и особенно в период подготовки референдума о независимости, не были выполнены после достижения независимости Латвией и Эстонией. Политическое руководство Латвии и Эстонии сделало выбор в пользу «легалистского» пути, восстановив в своих правах граждан довоенных республик, а это, в свою очередь, означало, что послевоенные приез-

Таблица 3

**Результаты референдумов о независимости Балтийских республик
(февраль — март 1991 г.), %**

Республика	Явка избирателей	Проголосовали за независимость		Удельный вес титульных наций
		Из явившихся	Из всех избирателей	
Эстония	82,9	77,8	64,5	61,5
Латвия	87,6	73,7	64,5	52,0
Литва	84,7	90,2	76,5	79,6

Темпы натурализации в Латвии и Эстонии

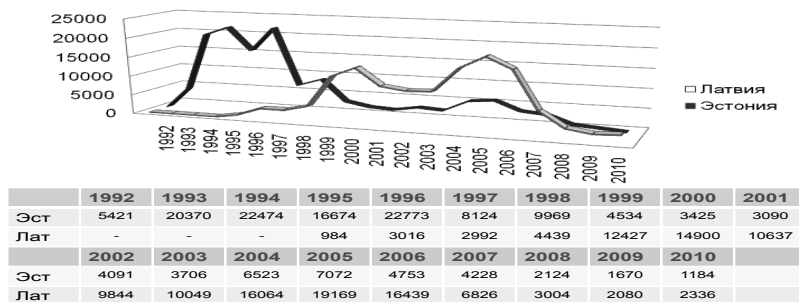

Рис. 1. Темпы натурализации в Латвии и Эстонии

жие и их потомки были лишены политических прав и могли получить их только путем натурализации.

В наши задачи не входит выяснение того, были ли эти решения результатом эйфории первых месяцев восстановленной независимости, когда давление реальности вдруг «испарилось», или, наоборот, частью заранее продуманного плана, а также ответ на вопрос о том, насколько эти решения способствовали (или препятствовали) достижению социальной стабильности. Несомненно одно: для значительной части русскоязычных общин Латвии и Эстонии это существенно ограничило возможность влиять на происходящие в республиках процессы и привело к маргинализации политических лидеров русскоязычного населения.

«Герметизация» или «дегерметизация»?

После восстановления государственной независимости Латвии и Эстонии процессы политического участия русскоязычных общин этих стран имели целый ряд схожих исходных предпосылок и характеристик, хотя в целом они развивались по существенно различным траекториям и привели к разным результатам.

Начнем с общих черт. И в Латвии, и в Эстонии проблема политического участия русскоязычных общин была и остается тесно связана с проблемой гражданства. В результате миграции советских

лет и реализации вышеупомянутого «легалитского» подхода число бывших граждан СССР, не получивших гражданство восстановленных государств автоматически, составило около 715 тыс. в Латвии и около 500 тыс. человек в Эстонии. В Эстонии процесс натурализации начался в 1992 г., в Латвии — в 1995-м. Если в Эстонии в начале натурализации ее условия были сравнительно либеральными и в дальнейшем требования были несколько ужесточены, то в Латвии процессы развивались в противоположном направлении: от непомерно жестких ограничений в начале натурализации к либерализации требований после принятия поправок к закону о гражданстве в 1998 г. В результате максимум натурализации пришелся в Эстонии на 1993–1997 гг. В Латвии можно выделить два пика данного процесса: первый пришелся на годы сразу после принятия поправок к закону о гражданстве, второй — на период после вступления Латвии в Европейский Союз. В последние годы темпы натурализации значительно снизились: в 2010 году — 1184 человека в Эстонии и 2336 в Латвии, что может быть объяснено рядом причин, среди которых не последнюю роль играет недостаточная мотивация самих претендентов на латвийское и эстонское гражданство (рис. 1).

В настоящее время удельный вес граждан в Латвии и Эстонии пример-

Таблица 4

Гражданство и этническая принадлежность населения в Эстонии, %

Нация	% от общего числа		Граждане			Лица без гражданства
	жителей	граждан Эстонии	Эстонии	России	других стран	
Эстонцы	67,9	84,2	99,0	0,1	0,0	0,8
Русские	25,6	12,9	40,4	20,9	0,3	38,4
Другие	2,9	2,9	35,7	13,5	8,7	42,1

Таблица 5

Гражданство и этническая принадлежность населения в Латвии, %

Нация	% от общего числа		Граждане		Неграждане Латвии
	жителей Латвии	граждан Латвии	Латвии	других стран	
Латыши	58,8	73,5	99,7	0,15	0,08
Русские	28,6	19,2	54,0	42,65	3,3
Другие	12,6	7,3	46,6	48,1	5,1

но одинаков: 84,2% в Эстонии (2011) и 84,4% в Латвии (2009). В то же время существенно отличается структура остальных 15% жителей (табл. 4, 5). В Латвии и Эстонии различен удельный вес граждан других стран в составе их населения. Таковыми являются 21,2% русских Эстонии и только 3,3% русских Латвии. В Эстонии 38,4% русских — лица без гражданства, в Латвии, напротив, 42,85% проживающих там русских — «неграждане Латвии», что подразумевает правовой статус, отличный от статуса лица без гражданства.

Хотя Латвию и Эстонию объединяет проблема «дефицита демократии», проявляющаяся в отстранении значительных групп налогоплательщиков от национальных выборов, между этими странами существуют некоторые различия в плане правовых рамок участия неграждан в политических процессах. В Эстонии, например, они уже с начала 1990-х гг. имеют право голоса на муниципальных выборах, а в Латвии неграждане могут быть членами политических партий и тем самым оказывать опосредованное влияние на политическую ситуацию.

Отметим, что одним из препятствий на пути к полноценному участию в политических процессах русскоязычного населения Латвии и Эстонии, которое имеет гражданство и обладает правом на подобное участие, является недостаточная политическая активность данной категории граждан, имеющих значительно более низкую степень политической активности, чем представители титульных наций. Например, согласно опросам конца 1990-х гг., в подписании петиций в Эстонии участвовало 12,1% эстонцев и 10% неэстонцев, в Латвии — 13,5% латышей и 7,4% нелатышей⁴. Эту тенденцию подтверждает опрос, проведенный в Латвии в 2010 г.: существенных различий в активности на выборах между русскоязычными гражданами республики и латышами нет, чего не скажешь о таких важных для демократии формах политического участия, как общественные организации, общественные обсуждения, профсоюзы, подписание петиций, — здесь она у русскоязычных граждан значительно ниже (табл. 6).

Какова роль представителей русскоязычного населения в процессах форми-

Таблица 6

Уровень политического участия жителей Латвии в 2010 г., %

Показатель	Латыши	Русскоязычные
Участие в выборах	69	65
Подписывали петиции	42	17
Участие в общественных организациях	40	30
Членство в профсоюзах	12,5	8,1
Участие в общественных обсуждениях	14	7

рования и воспроизводства политической элиты Латвии и Эстонии, в какой степени можно говорить о «герметизации» политических элит балтийских стран, иными словами, об их замыкании в рамках титульных наций? Этот вопрос следует рассматривать на трех уровнях: муниципальном, национальном и, наконец, наднациональном (европейском).

Учитывая то, что политический процесс и в Латвии, и в Эстонии основан на особой роли политических партий, которые играют главенствующую роль на муниципальных и парламентских выборах, равно как и на выборах в Европейский парламент, прежде всего следует обратиться к особенностям партийных систем этих республик, которые наиболее ярко проявляются на парламентских выборах.

Характерной чертой партийной системы Эстонии является слабость и разобщенность «русских» партий, которые добились наибольшего успеха на выборах 1995 г. (выборы 1992 г. ими бойкотировались), когда им удалось набрать 5,87% голосов. На последующих выборах их результаты были гораздо скромнее (в 1999 г. — 2,03%, в 2003 — 2,44, в 2007 — 1,2), а на выборах 2011 г. «русские» партии и вовсе набрали менее 1% голосов. Как показывают результаты опросов, русскоязычные избиратели Эстонии голосуют за эстонские партии, среди которых особенно выделяется Партия центра, лидер которой — бывший руководитель Народного фронта Эстонии Эдгар Сависаар (табл. 7).

Процентное соотношение проголосовавших за партию Сависаара эстонцев

Таблица 7

Результаты голосования на парламентских выборах в Эстонии в 2007 г., %

Партия	Эстонцы	Восточные славяне
Союз Pro Patria и ResPublica	11,5	1,9
Народный союз Эстонии	5,8	1,3
Партия реформ	22,7	3,9
Социал-демократы	10,3	1,3
Партия центра	12,9	51,6
Зеленые	7,6	0,6
Конституционная партия	0	0,6
Русская партия	0	0,6
Левая партия	0,1	0
Не ответили	27,3	37,4

и восточных славян Эстонии оставля-ет место для дискуссий о ее «эстонском» характере. Впрочем, и за такие «эстонские» партии, как Союз ProPatria и ResPublica, Народный союз Эстонии и социал-демократы, русскоязычные избиратели отдали больше голосов, чем за традиционно «русские» партии. Все вышесказанное позволяет выдвинуть предположение, что в ближайшем будущем монополия эстонцев на определение путей развития эстонского общества и государства не будет поколеблена.

Совсем другую картину представляет партийная система Латвии, где отчетливо проявляется связь между этнической принадлежностью и поддержкой определенных партий (табл. 8).

Из таблицы 8 следует, что в 2004–2005 гг. «русскими» можно было считать партию «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ) и Партию народного согласия (на ее основе позднее сформировалось объединение «Центр согласия»). Проведенный в связи с выборами 2010 г. опрос показывает, что на них за Центр согласия проголосовало 75,6% русских граждан и 9% латышей, а за крупнейшее «латышское» политическое объеди-

нение «Единство» — 3,8% русских и 38% латышей.

Сказанное не исключает того, что на протяжении двадцати лет восстановленной независимости различные политические силы стремились заручиться поддержкой русскоязычных избирателей, что делает задачу квалификации латвийских партий по этническому признаку достаточно сложной. Одно несомненно: в отличие от Эстонии электоральная поддержка «русских» партий в Латвии имеет тенденцию к возрастанию (рис. 2).

Различие между Латвией и Эстонией проявляется и в значительно большем (и растущем) числе депутатов нелатышского происхождения в латвийском парламенте. Так, в эстонском парламенте в 1992 г. не было депутатов, не принадлежавших к титульной нации, в 1995-м их количество составило 6 человек, в 1999 — 6, в 2003 — 5, в 2007 — 6, в 2011 — 7. В Латвийском парламенте таких депутатов в 1993 г. было 12, в 1995 — 10, в 1998 — 17, в 2002 — 22, в 2006 — 23, в 2010 — 23. Результатом всего вышеотмеченного стало то, что вхождение «Центра согласия» — наиболее влиятельной в последнее время политической силы, ориентирующейся

Таблица 8

Этническая структура поддержки партий населением Латвии, %

Партия	Национальность		
	Латыши	Восточные славяне	Другие
Новое время	93	3	4
Народная партия	93	5	2
ЗаПЧЕЛ	19	74	7
Партия народного согласия	14	81	5
Союз зеленых и крестьян	95	4	1
ТТБ-ДННЛ	91	7	2
Первая партия	90	8	2
Социал-демократы	53	39	8

Источник: Nicolo Group, 2004; Auers D., Ikstens J. The Democratic Role of Political Parties // How Democratic Is Latvia: Audit of Democracy / ed. by J. Rozenvalds. Riga : LU Akademiskais Apgads, 2005.

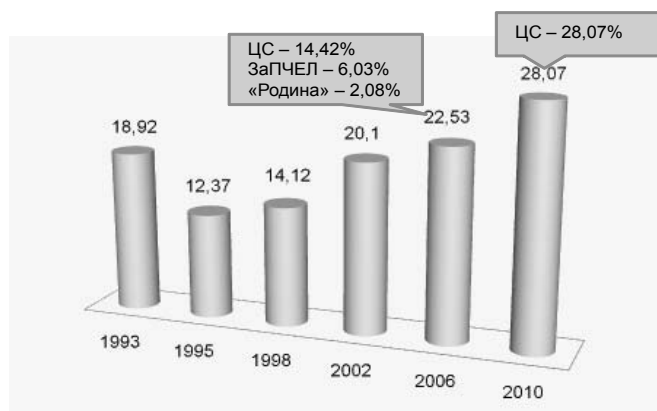

Рис. 2. Поддержка «русских» партий на парламентских выборах в Латвии

на поддержку русскоязычных избирателей, — в правящую коалицию превратилось сегодня в вопрос практической политики. Важно отметить, что в отличие от предыдущих лет само обсуждение этой перспективы не вызывает шока у латышских политиков и подавляющего большинства рядовых латышских избирателей. Можно отметить, что еще более актуальным этот вопрос стал в связи с проведенными в сентябре 2011 г. внеочередными парламентскими выборами.

С точки зрения «классических» западных представлений о «нормальных» партийных системах наличие ярко выраженных этнических партий является аномалией, поскольку тем самым проблемы межэтнических отношений отодвигают на второй план единые для всего общества социально-экономические проблемы, что может привести к дестабилизации. Тем не менее, обращаясь к анализу политических процессов в Латвии и Эстонии, можно утверждать, что в известных условиях наличие этнических партий может быть и стабилизирующим фактором. Основания для такого утверждения дает сравнение двух кризисов по-

следних лет, которые оставили заметный след в латвийской и эстонской политике. Речь идет о протестах против школьной реформы в Латвии в 2004–2005 гг. и событиях вокруг «бронзового солдата» в Таллине в 2007 г.

Протесты в Латвии, несмотря на их массовый характер, прошли исключительно мирно, не было зарегистрировано никаких серьезных конфликтов между их участниками и полицией. Представляется возможным утверждать, что это в значительной мере было обусловлено тесной связью между организаторами протестов и представленными в Сейме Латвии «русскими» политическими партиями, что во многом определило стремление организаторов удерживать все в рамках легального политического поля. События вокруг «бронзового солдата» в Таллине такой связи не имели (в значительной мере в силу слабости и непопулярности «русских» партий), что во многом способствовало усилению роли стихийной компоненты и переходу протестов в конфронтацию с силами правопорядка.

Возвращаясь к вопросу о тенденциях развития политических элит Латвии

и Эстонии, можно сделать вывод, что в Латвии намечается тенденция к «дегерметизации» политической элиты и вполне реальной становится возможность появления в составе правительства в ближайшее время министров — представителей национальных меньшинств, значительно возрастет влияние политических сил, поддерживаемых русскоязычными избирателями, и, как следствие, можно ожидать потепления межнациональных отношений в целом. В то же время следует отметить, что эта тенденция пока никоим образом не сказывается на этническом составе государственного и муниципальных аппаратов, которые в Латвии традиционно почти исключительно моноэтничны. Сложившаяся ситуация может быть объяснена целым рядом причин (традиционная — еще с довоенных времен — ориентация латышей на работу в государственном аппарате, языковые требования, которым не всегда соответствуют нелатышские кандидаты на места в органах власти, формирование бюрократической верхушки из выдвиженцев правящих «латышских» партий и др.). Тем не менее ясно, что она не вполне соответствует демократическим принципам формирования бюрократического аппарата в многонациональном государстве.

Общая тенденция к «дегерметизации» политической элиты Латвии проявляется и на муниципальном уровне, хотя

здесь также не все однозначно. С одной стороны, характерной чертой всех муниципальных выборов, проведенных в годы восстановленной независимости, является то, что удельный вес русскоязычных депутатов ниже удельного веса не только восточных славян в населении Латвии, но и русских, украинцев и белорусов среди граждан Латвии. Эта тенденция прослеживается, несмотря на то, что в последнее время все большее число депутатов самоуправлений вообще не указывают своей этнической принадлежности (табл. 9). С другой стороны, характерной чертой последних муниципальных выборов становится возрастающая роль политических сил, за которые голосуют в основном русскоязычные избиратели. На выборах 2009 г. объединение «Центр согласия» добилось повышения своего представительства во всех крупных городах, но наибольшего успеха оно достигло на выборах в столице, набрав 37,59% голосов и завоевав, таким образом, 26 из 60 мест в Рижской городской думе. Если на предыдущих выборах голоса русскоязычных избирателей распределялись между несколькими политическими силами (рис. 3), которые зачастую не были примером эффективного сотрудничества, на выборах 2009 г. русскоязычные рижане единодушно проголосовали за «Центр согласия». В предыдущем составе Рижской думы (2005–2009 гг.) представители меньшинств составляли 30% депута-

Таблица 9

Этнический состав депутатов местных самоуправлений Латвии, %

Национальность	1997	2001	2005	2009
Латыши	93,9	92,4	82,6	72,1
Русские	3,3	4,4	4,4	4,0
Поляки	1,0	1,1	0,8	0,7
Литовцы	0,9	1,0	0,8	0,5
Украинцы	0,0004	0,1	0,1	0,3
Белорусы	0,4	0,7	0,2	0,2
Другие	0,1	0,3	0,5	0,4
Национальность не указана	—	—	10,6	21,8

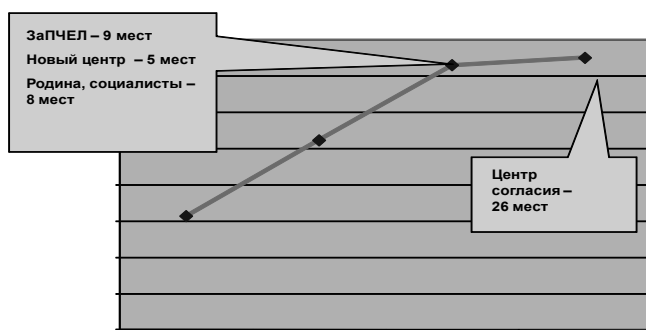

Рис. 3. Поддержка «русских» партий на муниципальных выборах в Риге
(% голосов «за» и число мест в городской Думе — из 60)

тов, после выборов 2009 г. их удельный вес возрос до 50%. С 1 июля 2009 г. мэром Риги является председатель объединения «Центр согласия», экономист и журналист Нил Ушаков. Его родители приехали в Латвию в конце 1940-х гг., а сам он стал гражданином Латвии в 1999 г. посредством натурализации.

Обратимся к вопросу о представленности политической элиты Латвии

и Эстонии в Европейском парламенте. После вступления этих республик в Европейский Союз в них дважды — в 2004 и 2009 гг. — прошли выборы в Европарламент. В Эстонии шесть отведенных ей мест традиционно занимают депутаты-эстонцы (табл. 10). Одно место в 2004 и два в 2009 г. получила Партия центра, за которую традиционно голосует значительная часть русскоязычных избирате-

Таблица 10

Депутаты Европарламента, избранные от Эстонии

2004		2009	
Тоомас Хендрик Илвес	Социал-демократическая партия	Эдгар Сависаар	Партия Центра
Марианне Микко	Социал-демократическая партия	Кристиина Оюланд	Социал-демократическая партия
Ивари Падар	Социал-демократическая партия	Ивари Падар	Социал-демократическая партия
Сири Овиир	Партия центра	Сири Овиир	Партия центра
Тунне-Валдо Келлам	Союз Pro Patria и Respublica	Тунне-Валдо Келлам	Союз Pro Patria и Respublica
Тоомас Сави	Партия реформ	Индрек Таранд	Независимый

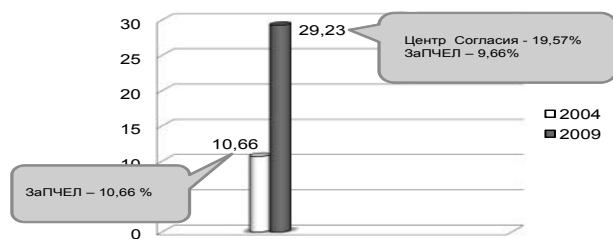

Рис. 4. Поддержка «русских» партий на выборах в Европарламент в Латвии

лей (одно из мест получил Эдгар Сави-саар).

Существенно иная ситуация сложи-лась в Латвии, где на выборах 2004 г. «рус-ские» партии получили 10,66% (1 место из 9), а на выборах 2009 г. — 29,23% голо-сов (3 места из 8) (рис. 4). В результате в 2004 г. первым в истории русскоязычным депутатом Европарламента была избра-на представительница ЗаПЧЕЛ Татьяна Жданок. В 2009 г. она стала им повторно, и к ней присоединились представители «Центра согласия» Александр Мирский и Альфред Рубикс. Вопрос о том, насколь-ко деятельность Татьяны Жданок в каче-стве европарламентария и ее усилия по созданию некоей надгосударственной русскоязычной политической организа-ции отражают интересы русскоязычной общины Латвии, выходит за рамки дан-ной статьи, однако несомненно то, что она не укладывается в представления о некоей этнической замкнутости репре-зентации латвийской политической эли-ты на европейском уровне.

Каковы перспективы?

В заключение несколько слов о перспективах. Мне представляется, что усиление политической роли рус-скоязычных общин Латвии и Эсто-

нии в ближайшем будущем (несмо-тря на сегодняшние различия между этими странами) — это закономерный процесс, который тесно связан с даль-нейшей демократизацией общественно-политической жизни балтийских стран, ростом взаимного доверия между пред-ставителями различных общин Латвии и Эстонии. Последнее, в свою очередь, предполагает нахождение разумно-го компромисса в тех вопросах, кото-рые не были рассмотрены в моей статье, а именно в понимании сложных исто-рических судеб Балтии, в сближении основных характеристик политической культуры и повышении уровня взаим-ной культурной компетенции. Важной предпосылкой для обеих общин явля-ется изменение «вектора» мировоспри-ятия — от концентрации на прошлых обидах (чему последние десятилетия истории Латвии и Эстонии дают обиль-ную пищу) к ориентации на общие для всех жителей республик цели в будущем.

Что касается исключительно рус-скоязычных общин Латвии и Эстонии, важной предпосылкой усиления их по-литического влияния выступает то, что можно назвать «опорой на собственные силы». Под этим я понимаю как повыше-ние уровня политической и обществен-

ной активности, так и освобождение от образа «руки Москвы» — осознание того, что при всем огромном значении сохранения и развития культурных связей с Россией проблемы балтийских русских в долгосрочной перспективе мо-

гут быть решены только ими самими. О том, что эти представления не являются плодом фантазии и чисто нормативными установками, свидетельствуют, как мне кажется, тенденции, наметившиеся в Латвии.

-
- ¹ Изменение национального состава населения Эстонии и Латвии в 1950–80-х гг. было результатом не искусственной демографической политики Москвы, но следствием притока в эти республики высококвалифицированных кадров из центра в связи с активными процессами индустриализации данных территорий. — Прим. ред.
 - ² EU MIDIS — European Union Minorities and discrimination survey. Main results report. European Union Agency for Fundamental Rights, 2009. URL: http://fra.europa.eu/fraWebsite/attachments/FRA-2011_EU_MIDIS_EN.pdf
 - ³ Подробнее см. Rozenvalds J. Latvia After Twelve Years of Renewed Independence: the Search for Normality // Rīga : Latvijas Universitātes Raksti, 2004.
 - ⁴ Political Representation and Participation in Transitional Democracies: Estonia, Latvia and Lithuania / ed. by E. Loftsson, Y. Choe. Huddinge : Sodertoerns hogskola, 2003.